

- extension of the narrator's vision beyond the scene being currently described,
 - empowering the narrator with the ability to read the minds of his communicants,
 - creating an indiscriminate blend of the protagonist's inward vision of his past with a real happening,
 - building an atmosphere of psychological suspense by means of the narrator's inherent doubt and indecision on what course of action to take,
 - applying the principle of psychological parallelism or doubling (echoing or duplicating another character's behavior or psychological trait),
 - implying, by means of contextual clues and guesses, the narrator's affinity to other characters,
 - making extensive and masterful use of discursive techniques comprising the phantasmagorical, grotesque, dreamlike modes of narration some of which resemble or imitate Kafka's literary style.
4. The relevance and innovative variety of the psychological discourse in *The Unconsoled* testify to the category of literary psychologism forming an important, unavoidable part in postmodernist fiction. The psychological segment and dimension of the novel treated as well the psychological aspects of postmodernist fiction in general require further research to make the postmodernist novel better understood.

Бібліографічні посилання

1. Лобанов И. Г. Модернистские интенции в творчестве Кадзуо Исигуро [Электронный ресурс] / И. Г. Лобанов. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/modernistskie-intentsii-v-tvorchestve-kadzuo-isiguro>.
2. Drag W. Elements of the Dreamlike and the Uncanny in Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled*. [Электронный ресурс] / Wojciech Drag. – Режим доступа: <http://journals.univ-danubius.ro/index.php/communication/article/view/729/662>
3. Ishiguro K. *The Unconsoled* [Электронный ресурс] / Kazuo Ishiguro. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1304999>

Надійшла до редколегії 20 квітня 2014 р.

УДК 812 82 (1 – 87)

А. В. Тарарак

Харьков

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В РОССИИ ДО ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В статті аналізується ставлення до Наполеона в Росії до війни 1812 р. за перекладними публікаціями. Показовим можна вважати відбір матеріалів для перекладу та публікації, а також особливості характеристик, що дають Наполеону. В публікаціях, адресованих до освіченого читача, підкреслюється героїзм, військовий та державний талант Наполеона. Російське суспільство було дуже сильно зацікавлене в його особистості та потрапило під вплив міфу про нього. Свідомостю

цього є використання елементів античної міфології, які були координатами для осмислення феномену Наполеона і на його батьківщині. Сферою розповсюдження європейського міфу був періодичний друк, окремі перекладні чи оригінальні російські брошури. В них відображався життєвий шлях героя, описувалися його військові перемоги та державні успіхи.

Ключові слова: наполеонівський міф, новий міф, міфологема, культурне ім'я, ідеалізація.

В статтє анализируєтєя отношенє к Наполеону в России до войны 1812 г. по переводным публикациям. Показательным считается отбор материалов для перевода и публикации, а также особенности характеристик, даваемых Наполеону. В публикациях, обращенных к образованному читателю, подчеркивался героизм, военный и государственный талант Наполеона. Русское общество испытывало жгучий интерес к его личности и попало под влияние мифа о нем. Свидетельством этого является использование элементов античной мифологии, которые были координатами для осмысления феномена Наполеона и на его родине. Сферой распространения европейского мифа была периодическая печать, отдельные переводные или оригинальные русские брошюры. В них воспроизводился жизненный путь героя, описывались его военные победы и государственные успехи.

Ключевые слова: наполеоновский миф, новый миф, мифологема, культурное имя, идеализация.

In the article there is analyzed the relation to Napoleon in Russia before the war of 1812 in translated publications. The choice of materials for translation and publication, the singularities of characteristics for Napoleon are indicative. In publications, directed to the educated reader, we can see, that the heroism, military and state genius of Napoleon are underlined. The Russian society was highly interested in his personality and was under the influence of Napoleonic myth. The evidence of it is the usage of some elements of antique mythology, which were the position for Napoleon`s phenomenon understanding in his native land, too. The sphere of European myth circulation was the periodic press, some translated or original Russian brochures. The way of hero`s life is reproduced in them, his military victories and state successes are characterized.

Key words: Napoleonic myth, the new myth, mythologem, the cultural name, idealization.

Имя Наполеона прочно вошло в европейскую культуру, но оно по-разному преломилось в культурном сознании разных народов Европы. Разумеется, Наполеон имеет особое значение для Франции. Именно там сформировался наполеоновский миф, который относится к новым, по словам Шеллинга, мифам, где функцию мифологема выполняет имя культурного героя. Наполеон, несомненно, является таким культурным героем, который утвердил буржуазную европейскую цивилизацию. Все это нашло отражение в европейских литературах и прежде всего во французской, находившейся не столько под влиянием этой личности, сколько выразившей восхищение самой исключительностью его жизни, в которой были ошеломительные восхождения и стремительные падения.

В отличие от Франции, в России, борющейся с завоевателем, наполеоновский миф существовать не мог, но личность Наполеона привлекала внимание писателей, художников, историков, пожалуй, не меньше, чем на его родине. Но применительно к России речь может идти о различных интерпретациях этого «чужого», но тем не менее актуального

для нее мифа, в которых личность и деятельность Наполеона получала самые различные, а порой и противоречивые истолкования. Как справедливо отмечает О.В. Соколов, «трактовка образа Наполеона в русской исторической и художественной литературе определялась далеко не только личными воззрениями автора, а в значительной степени идеологической обстановкой, в которой произведение писалось» [3, с. 7]. Цель статьи состоит в том, чтобы осмыслить ее влияние на восприятие личности Наполеона и европейского мифа о нем на русскую культуру. «Драма войны 1812 года окончательно заслонила для многих современников предшествующие события, которые стали рассматриваться исключительно через призму вторжения в Россию наполеоновской армии. <...> Но если обратиться к документам, исходящим непосредственно из последних лет XVIII века и самого начала XIX века, вырисовывается совершенно иная картина» [1, с. 11]. Русское сознание попало под обаяние этой личности и поначалу испытывало сильные эмоции, выраженные в ряде писем и воспоминаний.

Удивительным пророчеством, которое, конечно, представляется таким именно в свете стремительного взлета Наполеона, воспринимаются слова Екатерины II, адресованные Гриму в письме от 11 февраля 1794 г.: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда-либо, будет послушна и кротка, как овечка; но для этого нужен человек недюжинный ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился ли он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от этого. Если найдется такой человек, он стопою своею остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте» [2, с. 18]. Разумеется, императрица имела в виду не Наполеона, но личность, равную ему, появление которой обусловлено самим временем.

Не менее симптоматичной представляется и оценка А.В. Суворова, высказанная в письме к А.И. Горчакову. К сожалению, его известные слова, вырванные из контекста, вошли в наше сознание как предостережение. Приведенные полностью, они совершенно иначе характеризуют отношение русского полководца к успехам молодого французского генерала. «О, как шагает этот юный Бонапарт! – писал А.В. Суворов. – Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу, и людей. Он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе. Он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом руке своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея всюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает!» [2, с. 19]. Обратим внимание на красноречивое сравнение – «словно Юпитер», древний бог войны и победы. И далее – «разрубил Гордиев узел тактики», тот самый, который разрубил Александр Македонский. А.В. Суворов, конечно, не участвовал в мифологизации

образа Наполеона – он использовал характерные для речи той поры выражения. Но в свете будущих событий они представляются значимыми. «В действиях свободен он как воздух, которым дышит, – писал русский военачальник. – Он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!». Интересен и прогноз, который он сделал и который исполнился уже в начале XIX в.: «...пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем. Великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет» [2, с. 19]. «Изменив» своему предназначению, которое, по мнению А.В. Суворова, состояло в военном деле, Бонапарт пошел по пути, который, в конечном счете, и привел его на остров Св. Елены.

Значимая страница в восприятии европейского наполеоновского мифа – история взаимоотношений России и Франции при Павле I. Отголоски тех событий зафиксированы в уникальном по своему содержанию издании «Цареубийство 1901 г. Записки участников и современников» [4], которое вышло в свет к столетию убийства Павла I. Среди ряда причин, по которым это преступление произошло, современники называли и чрезвычайную увлеченность императора отношениями с Наполеоном, что создавало опасную для Англии коалицию двух держав. 18 (30) декабря 1800 г. Павел I направил Бонапарту письмо, в котором писал: «...я хотел бы предложить Вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение одиннадцати лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства разных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как кажется, является основным законом, диктуемым всевышним» [2, с. 21]. Конечно, решимость Павла сотрудничать с Наполеоном была обусловлена настроениями российской политической верхушки, в которой были как малочисленные сторонники, так и влиятельные противники этой коалиции. Что же касается образованной части общества, то ее отношение к этому союзу можно реконструировать по публикациям, которые были осуществлены в ту пору.

Так, в 1801 г. в свет была выпущена анонимная брошюра «Жизнь и триумфы генерала Буонапарте, содержащие в себе первые его успехи в военном состоянии и славные походы в Италию и Египет, до совершенного завоевания сей Турецкой Провинции». Не будем пересказывать содержание этого издания, остановимся лишь на формах наименования Наполеона и характеристике его действий, которые выдают отношение автора к нему. Так, своей армии Наполеон отдавал «благоразумные приказания, установить строгую дисциплину, сделать пребывание французских войск приятным для тамошних жителей посредством их доброго поведения», а чтобы сделать арабов своими

сторонниками, «тотчас заключил с ними трактат, но не только дружественной, но и союзной». Он характеризуется как военачальник, не бросающий на поле боя своих воинов даже мертвыми – все были похоронены; как хороший стратег и тактик: «...расположил тотчас порядок сражения, составив из дивизий параллелограммы». Наполеон-победитель «старался утвердить свое завоевание благоразумнейшими средствами», издавая приказы и распоряжения, направленные во благо поработанного народа. Хлеб пекся одинаковый и для солдат, и для местного населения, однако для больниц он был лучшего качества. «Всем провинциальным комендантам и всякому, кто бы то ни был, запрещается требовать какого-нибудь рода податей с жителей. – Всяк, кто будет иметь жалобу на причиненные ему обиды, может относиться в комиссию, которая для сего будет собираться в семь часов утра» [2, с. 28–29]. Наполеон в описании анонимного автора, таким образом, характеризовался как выдающийся военачальник и государственный муж, его деятельность идеализировалась.

Восторженное отношение автора к личности Бонапарта проявляется в ряде моментов. Вот как он характеризует свой замысел, соотнося его с тем, как древние писали жизнеописания героев: «Начертывая свою историю, не скрываю я своей слабости; некоторое побуждение гораздо сильнейшее побудило меня продолжать оную, несмотря на недостаток моих сил. Важность сего предприятия несколько меня утратила, но я почел, что воздам самую большую честь талантам и дарованиям сего Героя, когда ограничу себя повествованием одной истины и описыванием происшествий, каковыми они были на самом деле. – Истина, будучи сама собою весьма важна, не имеет нужды ни в каких прикрасах» [2, с. 30].

Кроме того, он сообщает о композиции своего труда: «...для облегчения памяти и порядочного расположения происшествий разделено сие сочинение на главы», а также об особенностях самого повествования: «...происшествия, случившиеся с Бонапарте, геройские деяния, мысли его, слова, исполненные мудрости, тонкие и остроумные ответы имеют неразрывную между собой связь и составляют нераздельное повествование, в котором нельзя ничего опустить»; «где быстрота происшествий заставляла меня оставлять какое-нибудь примечательное деяние, то я присовокуплял оное на конец главы»; «я не надеюсь избежать суждения; но утешаюсь уверенностью, что сделал пособие и услугу ученым людям, собирая материи, кои некогда должны служить человеку глубокомысленному и сведущему, который будучи свободен от пристрастия опишет историю Бонапарте» [2, с. 30]. Можно предположить, что автор «Истории первого консула...» видел своим образцом «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, во всяком случае, и он стремился соединить биографическое повествование с моральными выводами, хотя и отказывался от такого намерения («я не надеюсь избежать суждения»), а его описания Наполеона и речевые фигуры

напоминают главу «Сравнительных жизнеописаний» об Александре и Цезаре.

Ж.Ф. Дюброка обосновывает свой выбор выдающимися свойствами личности героя: «Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние, и доставить торговле и художествам ту живость и деятельность, которые одни токмо могут споспешествовать их благополучию. Другими словами, жизнеописание посвящено герою, проявившему себя на поле боя и в мирное время, причем руководствуется он основными лозунгами революции: «...сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние, и доставить торговле и художествам ту живость и деятельность...».

Автор замечает, что молодой Наполеон, в отличие от ровесников, не хотел скрывать своих республиканских взглядов и «с восхищением принял правила свободы и равенства; возрадовался, когда увидел определение, которое не признает между людьми другого различия, кроме личных достоинств, и одна мысль оживила его – мысль, что нет более во Франции препятствий, полагаемых предрассудками для дарований» [2, с. 49]. Интересно, что он подчеркивает: «Я с удовольствием буду говорить всякий раз...» [2, с. 49]. Удовольствие автор испытывает от того, что молодой Бонапарт избежал порочного влияния окружающих, что «знания доставили ему всеобщее уважения, а искусство обращать их в пользу – счастье» [2, с. 49]. Наполеон в описании русского автора предстает таким: «неустршимый в исполнении намерений, твердый в своих началах», «всегда деятелен, всегда одинаков на войне, в торговле, в суде – его одна мысль – изобретение; его одно слово – исполнение. Отсрочки он не знает» [2, с. 51]. Обратим внимание, как автор повторяет выражение, использованное А.В. Суворовым: «Везде, где он находил Гордиевской узел, рассекает мечем Александровым» [2, с. 51]. Бегло характеризуя взгляды Бонапарта, которые оказываются не вполне последовательными, автор брошюры завершает ее панегириком: «Посвятив два года трудной военной службе, приобрел он опытность целых веков; между тем как отечество его, имея к нему неограниченную доверенность, оставляет гений его в свободе и собирает только счастливые плоды его побед» [2, с. 51]. Таким образом, можно говорить, что еще в 1802 г. в публикации, составленной, вероятно, из фрагментов разных материалов, выражена явная симпатия, а иногда и восхищение молодым французским генералом.

Еще одно издание, имеющее компилятивный характер, вышло в свет в 1803 г. Его основу, вероятно, составляли немецкие и французские публикации. В брошюре собраны небольшие истории («анекдоты») из жизни Наполеона. Таких изданий в России в те годы было несколько. В

издании «Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое» обратим внимание на конец заглавия: «о сем герое». Уже в заголовке Наполеон характеризуется, как личность выдающаяся. В тексте несколько раз автор описывает его достоинства: «Почти невероятно, как он содержит в памяти имена, физиономии и отличительные черты своих воинов...» [2, с. 53]. Автор публикации предлагает читателю описание его внешности, оставляющей противоречивое впечатление: «В наружности своей с первого взгляда имеет Б.<онапарт> нечто мрачное и холодное; но нужно только пробывать вблизи его несколько минут, чтобы увидеть в нем после некоторую тихость и приятность. В чертах лица его изображается особливая кротость, и взор его есть красноречивое доказательство человеколюбивого и тихого характера» [2, с. 55]. Совершенно очевидно, что автор и этого издания выбрал из иностранных изданий и воспроизвел по-русски именно то, что способно охарактеризовать Наполеона как героя, выдающегося военачальника и человека необыкновенных достоинств. Довоенные публикации свидетельствуют о том, что русское общество испытывало жгучий интерес к личности Наполеона и попало под влияние европейского мифа о нем. Свидетельством этого, кроме всего прочего, является использование элементов античной мифологии, которые были координатами для осмысления феномена Наполеона и на его родине. Сферой распространения европейского мифа была периодическая печать, отдельные переводные или оригинальные русские брошюры. В них воспроизводился жизненный путь героя, писывались его военные победы и государственные успехи. Однако уже через несколько лет тональность русской печати меняется, и общество стремительно меняет свое отношение к французскому императору. Но эта тема должна стать предметом отдельного исследования.

Библиографические ссылки

1. Наполеон до... Наполеона, или Восприятие русским обществом Наполеона Бонапарта до столкновения России и Франции // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 9 – 17. (Русский Путь).
2. Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 1038 с. (Русский Путь).
3. Соколов О.В. Наполеон глазами русских / О.В. Соколов // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 7 – 8. (Русский Путь).
4. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Саблукова, графа Бенигсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен,

князя Чарторыйского, барона Гейкинга, Коцебу). – СПб.: издание А.С. Суворина, 1907. – 432 с.

Надійшла до редколегії 3 травня 2014 р.

УДК 821.161.1 – Эренбург

М. Ю. Тарарак

Харьков

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ ЛИРИКИ И. ЭРЕНБУРГА

Еренбург-поет проходив етапи учнівства у символізмі і акмеїзмі, а його перехід до авангарду був природним продовженням творчого зростання, який співпав з розвитком модернізму у російській поезії. Між тим, Еренбург не був футуристом як, наприклад, В. Маяковський, Вел. Хлебніков чи Є. Гуро: футуризм був прийнятий їм не у всій повноті його програми, сформульованій у деклараціях цього напрямку. З другого боку, сам спосіб художнього мислення відповідав авангардному та проявлявся у ряді прийомів, якими користувався поет. Провідними темами творчості Еренбурга цього періоду були теми смерті, нудьги, батьківщини, нещасливого кохання; образи немовля, душі, поета, баби. Еренбург створює зразки громадянської та філософської лірики, але в його книгах відчутно прагнення до епічного осмислення дійсності.

Ключові слова: авангард, футуризм, стилізація, прозаїзація поезії.

Эренбург-поэт проходил этапы ученичества у символизма и акмеизма, а его переход к авангарду был естественным продолжением творческого роста, совпавшим с развитием в русской поэзии модернизма. Между тем, как нам представляется, Эренбург не был футуристом в том смысле этого слова, который вкладывается в него по отношению, например, к Вл. Маяковскому, Вел. Хлебникову или Е. Гуро: футуризм был принят им не во всей полноте его программы, сформулированной в декларациях этого течения. С другой стороны, сам способ художественного мышления соответствовал авангардному и проявлялся в ряде использованных поэтом приемов. Ведущими темами творчества Эренбурга этого периода являются темы смерти, скуки, родины, поруганной любви; образы младенца (мальчика), души, поэта, бабы. Эренбург создает образцы гражданской и философской лирики, однако в его книгах ощутимо стремление к эпическому осмыслению действительности.

Ключевые слова: авангард, футуризм, стилизация, прозаизация поэзии.

Ehrenburg-poet made the pupilage stages at symbolism and acmeism, and the natural continuation of the creative growth was his passage to the avant-garde, which clashed with the modernism development in the Russian poetry. We think meanwhile that Ehrenburg was not a futurist in a sense, which is usually imported in this word (on the examples like Vl. Mayakovsky, Vel. Hlebnikov or E. Gouro: Ehrenburg didn't accepted futurism in the full completeness of its program, which was couched in the manifests of that movement. On the other side the manner of the artistic thinking itself was corresponding to that one of the avant-garde, and we can see it in some literary devices, used by this poet. The key themes of Ehrenburg's work in this period were themes of death, boredom, native land, desecrated love; the characters of an infant (a boy), soul, poet, country woman. Ehrenburg creates samples of the civil and philosophic lyrics, but you can feel the epic understanding of the reality in his books.

Key words: avant-garde, futurism, pastiche, poetry prosaisation.